

Александр Аханов

Ландшафт незнакомой земли

Александр Аханов

Ландшафт незнакомой земли

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43661082
Ландшафт незнакомой земли: СУПЕР Издательство; 2019*

Аннотация

«Эта повесть написана совместно с чернобыльцем и моим сослуживцем по тюменской пожарной роте, 29 полка химической защиты Сибирского Военного округа, Владимиром Подберёзкинским ещё тогда, когда мы были молодыми... относительно нашего теперешнего возраста, конечно. То – есть, в те самые „лихие девяностые“, ознаменовавшиеся взрывом космического корабля „Челленджер“, гибелью теплохода „Нахимов“ на траверзе Новороссийска, крушением теплохода „Булгария“ на Волге, взрывом 4 реактора Чернобыльской АЭС имени В.И. Ленина... „наездами“, „разборками“, „стрелками“ и перестрелками многочисленных бандитских группировок, терроризировавших даже крупные города...»

Содержание

От автора	4
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Аханов

Ландшафт

незнакомой земли

«Под именем географического ландшафта, следует понимать область, в которой характер рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, население, и, наконец, культура человека сливаются в единое гармоничное целое, типически повторяющееся на протяжении известной (ландшафтной) зоны Земли».

Академик Л.С. Берг, 1925 год

От автора

Ландшафт в переводе с немецкого означает «местность.»»

Супрематизм. (лат. *supremus* – высший) – формалистическое течение в живописи начала 20 века; произведения супрематистов представляли собой комбинации цветных геометрических фигур или объёмных форм.

Сюрреализм. (фр. *surrealisme* буквально сверхреализм) – сменившее дадаизм направление в авангардистском искусстве 20 века, объявляющее своей задачей бесконтрольное, автоматическое воспроизведение сознания и особенно подсознания, что порождало причудливо – искажённые сочетания

ния и сращения реальных и нереальных предметов.

Дадаизм – (смотри Словарь иностранных слов 1989 год, Москва)

Эта повесть написана совместно с чернобыльцем и моим сослуживцем по тюменской пожарной роте, 29 полка химической защиты Сибирского Военного округа, Владимиром Подберёзкинским ещё тогда, когда мы были молодыми... относительно нашего теперешнего возраста, конечно. То – есть, в те самые «лихие девяностые», ознаменовавшиеся взрывом космического корабля «Челленджер», гибелью теплохода «Нахимов» на траверзе Новороссийска, крушением теплохода «Булгария» на Волге, взрывом 4 реактора Чернобыльской АЭС имени В.И. Ленина... «наездами», «разборками», «стрелками» и перестрелками многочисленных бандитских группировок, терроризировавших даже крупные города...

А название повести дал мой сын Денис, спустя несколько лет по её написанию и попал в точку. Сколько бы времени ни прошло, мы – (чернобыльцы, «ликвидаторы», «зелёные роботы»), всегда останемся с тем временем – весной, летом и осенью 1986 года. Это было лихорадочное и бестолковое время, после взрыва 4 блока Чернобыльской атомной станции. И ландшафт, для многих «действующих лиц», призванных «на учебные сборы», действительно незнакомой земли, во всех его смыслах был странен...

Всякое было после возвращения с Украины: те, кто геро-

ически работал на АЭС, дома потеряли остатки нравственных ориентиров, подорванных окружавшей их действительностью, мало напоминавшей виденную в кино или на многочисленных плакатах – призывах. Не все, разумеется, но значительная часть моих и не только моих сослуживцев. Удивительно, как, несколько месяцев, проведённых, вдали от своей малой Родины, действуют на человека, превращая его в весьма странное и временами даже опасное существо. Мы (страна и мир), это видели позже, и на примере «афганцев», и на примере, «чеченцев». Впрочем, понятно что, данная повесть, не только о чернобыльцах как таковых, а о всех нас – гражданах великой по площади, но очень, очень своеобразной страны, перманентно пребывающей на ликвидации последствий, то одного, то другого «Чернобыля».

Но, как бы там ни было, повесть написана, и ждёт своего читателя. Будет ли она опубликована при моей жизни – не знаю... Как не знаю, будут ли опубликованы другие наши работы, рассказывающие о жизни чернобыльцев в последующие годы.

Владимир Григорьевич Подберёзкин не дожил до сегодняшнего дня. И это беда не только его семьи и его немногочисленных друзей – это беда большой литературы – Владимир был настоящим писателем, на творчество которого, как водится, не обращали должного внимания те, кому «по штату положено». Даже Омские чернобыльцы, к которым я не раз взывал с просьбой «напрячься» и издать хотя – бы

одну его книгу... Но я надеюсь, что его дети – Лиза и Олег, или их дети, когда-либо, но прочтут эту повесть и другие наши совместные прооизведения. Во, всяком случае, я постараюсь, как сейчас говорят «выложить» эти работы в Интернет. А там – видно будет... Я говорю «видно» потому, что сегодня Литература стала коммерческой дисциплиной, что весьма печально. Творческие Союзы зачастую! печатают таких авторов, «непосильные труды» которых, приводят в недоумение и мазохистский восторг, буде ознакомишься с таковыми. Я полагаю, что во времена «Серебряного века» – те писатели (поэты), узрев многие сегодняшние творения, застрелились бы. От тоски и стыда за современную нам литературу...

Александр Иванович Аханов, один из ликвидаторов катастрофы на ЧАЭС 1986 года (22 мая – 18 августа)

Официальная («разрешённая») доза облучения 22 рентгена, 071 миллирентген.

Глава первая

Вечерело. Зимой это рано происходит. (Надеюсь, что я здесь, не сделал никакого открытия, иначе придётся оформлять заявку на изобретение, а это такая возня...) А унылый январь не спасают даже праздники – это один из самых треклятых месяцев года. Потому что зима, потому что холодно. Разумеется, февраль и март тоже скукоженные и унылые к безоблачному счастью, вряд ли призывают. Ощущаешь себя в Большом космосе, где холодные метеориты летают туда – сюда, и где одиноко, так одиноко, что хочется завывать и заливать... что я, конечно, и делаю. Наливаю себе стаканчик водки, (маленький! маленький!) выпиваю его и снова смотрю в окно, на унылый городской пейзаж, суетливых людей и стараюсь понять, какое-такое, очарование некоторые сумасшедшие находят в зиме?

За что её любят? Если, разумеется, они её действительно любят, а не прикидываются перед честным народом. «Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая» – легко писать такие строки, сидя в натопленной не тобой комнате, а чтобы её натопить, сколько всяческих действий, в том числе и на морозе произвести нужно? Понятно, что где-нибудь... там... во Франции или на Кавказе, где зима коротенькая, как воробыный клюв, её можно пережить... да в той – же Псковской или в Новгородской области в конце – концов...

ну вот... снег начал падать... Бр-рр! В душе что – то со скрипом переворачивается, переваливается с боку на бок. Пытаешься посмотреть на себя со стороны: вот стоит человек возле окна, смотрит на ранние сумерки, на то, как падает снег, на хаотичное перемещение сограждан, отчего-то напоминающее предсмертную суету отравленных тараканов. Это мне напоминает карикатуру, виденную в какой-то газете. Лежит на спине таракан, дёргает лапками, а второй таракан у него спрашивает: Брейк? – Дихлофос, – отвечает лежащий.

Вот стоит человек, у дорогого окна (спецзаказ, тройное стекло, с улицы – теоретически никакого шума!) в квартире заставленной или захламленной – всё едино! дорогой, почти изысканной мебелью. Кроме тиканья похожего на булыжник пролетариата будильника (от бабушки остался, память), да шуршащего холодильника ни единого звука, потому что раннее утро... соседи давно ускакали на работу, тихо и сумрачно, пахнет пылью, хотя пыли, на лакированно – полированной мебели и таких же полах не обнаружить. Также тихо и лакированно на той самой душе, где под слоем быта похоронены лучшие надежды юности и зрелой молодости. И во многом это благодаря научно-техническому прогрессу, который, как известно – не остановить. А, впрочем, об этом речь впереди...

Пистолетным выстрелом щёлкнул, оборвав мою личную жизнь, замок входной двери, а за секунду до этого (вот тебе и раннее утро!), ещё одни соседи, этажом выше, пара огра-

ниченных, но вряд-ли подозревающих об этом зануд и дебилов и такие же дети – включили какую-то идиотскую музыку. Бум-бум и трах-трах – вся «мелодия». Дебилы упивались канонадой, как дикари сырым мясом. Мне, в самом деле, интересно, а, сколько у них извилин и вообще, помнят ли они о том, что у них есть мозг? И так, к случаю. Сейчас, временами, «наиболее продвинутые» кретины-автомобилисты устанавливают в свои колесницы мощнейшие усилители звука с такими же мощнейшими динамиками. И носятся по городу, «гордые и независимые», бухая дурацкой музыкой «изо всей дурацкой мочи», как заметил один поэт, правда, имея в виду, не этих кретинов. И нет на них никаких законов, как ни странно...

Если, допустим, за стеной твоей квартиры ночью гремят соседи, можно обратиться в милицию и там обычно реагируют. А если под окном твоей квартиры, а, стало быть и под окнами всего дома гремит «музыка» из чьего-то авто – это нормально, это ненаказуемо. Всё странно в этом мире!

– Тётя Оля умерла, – лицо у вошедшей в комнату жены было такое, будто она только что совершила нечто совершенно непристойное, в котором трудно признаться. Ну... допустим, украла у кого-то кошелек с последними деньгами. Без особого удовольствия вдохнула воздух. Лаванда в нашей квартире не росла, впрочем, герань тоже. Был кустик столетника – алоэ, но к данному рассказу он не имеет никакого отношения, тем более, что за всё время своего вполне благо-

приятного существования он ни разу не цвёл.

Я вообще не знаю случая, чтобы у моих знакомых, у знакомых знакомых и так далее, цвёл этот, пусть и полезный, но очень своеобразный продукт африканской природы...

– Опять пил?

– И ещё курил, сознался я. Вряд ли бы она поняла, что за окном такая безразмерная тоска! Вот тётя Оля это понимала, оттого и умерла. Не выдержала. Я бы тоже не выдержал, если бы время от времени не употреблял. А что? Вон, все французы если не пьяницы, так наркоманы (я имею в виду писателей да художников!) а какие произведения миру являют? Правда, тут известная всем палка, точно о двух концах, но отчего-то и искусствоведы, и писатели, и учителя старательно обходят тему: А в самом ли деле так гениальны работы наркоманов и запойных алкашей, ежели без поллитра красного вина в желудке или «дозы» в вене, причём каждый день, они и творить толком не могли?! Дега, Пиаф, Ренуар... Тулуз – Лотрек... Да и наши так называемые деятели культуры, чем от них отстали? Тот же Даль. (Не писатель!!) Тот же Астафьев. А Шолохов как закладывал? А Шукшин? Вова Высоцкий... Мне потому и не стыдно, тем более что я ещё и не наркоман, как известный всем актёр театра и кино, и быть таковым не собираюсь. Да и не пить, как говорят нам, нельзя. Нам это тем, кто по тем или иным причинам побывали в известное время и в известном месте, о чём сообщал ранее и расскажу далее...

И вообще, как я слышал, мужчины и женщины думают разными полушариями мозга. И потому редко понимают друг-друга. Не смотря на это, тётю Олю следовало бы помянуть. Немедленно! Ведь она ещё на один шаг приблизилась к пониманию истины. Это значительно отдалило её от нас... А с другой стороны – кто знает? – Кстати, родная моя, а кто такая тётя Оля? Вы что, вместе работаете? То есть, я хотел сказать: работали... Ведь она того... этого...

Роза – Малина включила свет. Иногда я не перевариваю электрический свет! Особенно люминесцентный! Он искажает цвета предметов. Быть может потому полотна старинных мастеров, писанные при свечах да керосиновых лампах такие живые?

– Ты уже пропил все мозги! – услышал я голос любимой женщины. С этим было трудно согласиться, но возразить мне не дали – Это же тётя Оля! Из деревни, которая! Дядя Ганс муж её... был... Не помнишь?! Maine Tante, Dummkopf! (Моя тётя, дурак!)

Моя супруга была немкой, пусть и «русской», но тем не менее...

– Ага... Смутные тени явились предо мной и...

Мне – почему-то, представился покрытый пылью чёрный гроб, стоящий на козлах для распиловки дров в некоем полутёмном сарае. Там ещё хранился уголь. А с потолка свешивались замученные жизнью и бездействием веники. Берёзовые.

– А-а! ну так бы и сказала, что это тётя Оля! – чёрт меня возьми, кто это такая? – Гм! И что теперь? Мы поедем на похороны? А потом на девять дней? А потом... Перспектива! Неизвестные мне лица, пьяные разговоры, деревня, снег... Праздник! В смысле – большое развлечения для местных дам, поскольку не раз слышал, как на поминках после пары – тройки «стаканов», тема грусти вдруг сменяется темой веселья и – пошло!

– А, этот – то...

– А, она!

– Да-ааа... Стерва-аа...

– А Манька, а Манька-то, за Федькой ухлестывают!

– Да-аа!

За левым плечом злорадно хохотнул Чёрный ангел, припёршийся для этого специально из земель филистимлянских – вот ведь скотина, всегда подбивает нас на всякие гадости! Оно и понятно – откуда родом?! Не он ли, вражий сын, взорвал Четвёртый реактор на Чернобыльской станции, свалив все последствия на её руководство, академика Александра и Политбюро?! Он то свалил, а разгрести завалы, образовавшиеся после взрыва реактора, пришлось в том числе, и мне. Приятного, скажем, маловато... А как утверждал наш полковой врач, сам изо всех сил употреблявший (быть у воды и не напиться?!), спирт – самое действенное лекарство против последствий облучения. Разве можно пренебречь его советами, когда других-то не вдруг получишь от нашей ме-

дицины?

Я нисколько не преувеличиваю и не клеплю на потомков Асклепия и Авиценны! Дело в том, что нас, чернобыльцев – «партизан» или «зелёных роботов», после возвращения из Зоны, долгое время вовсе не хотели замечать, Те, которые поднялись выше по иерархической лестнице. Не замечали, в том числе, возможно, и по экономическим причинам. И болезней наших соответственно тоже не было... Впрочем, и сегодня некоторые врачи – учёные, профессора упрямо утверждают, что тот уровень излучения, что «в среднем» был на Чернобыле вовсе не так вреден, как это представляют непрофессионалы...

Оно и понятно – радиоуправляемые механизмы от воздействия «полезного излучения» выходили из строя, а людям хоть бы хны!! Они развлекаться на ЧАЭС приехали, а как же! На крыше Третьего блока, где работала в том числе и наша пожарная рота, все эти железяки глохли, а люди, МЫ, солдаты – работали без сбоев... Развлекались мы так... для собственного удовольствия...

Вот и сейчас, Дьявол, предвкушая развлечение не без пользы, потирал руки. А вот Силы Добра, стало быть, престолы и власти, пока хранили выдержку и хладнокровие. Им было не привыкать. Одно странно. Отчего это, казалось бы, имена собственные в Данном случае пишутся уничижительно с маленькой, прописной буквы? «силы», «власти», «херувимы»? Значит, не такие уж они «силы» и «власти» как

нам церковники представляют! Не такие уж начала... Не зря говорили умные древние авторы, которых было не так уж и мало, касательно того, что не каждому слову (а особенно писанному религиозными «авторитетами»), нужно верить! Но умным писателям как раз и не верили, а хитрым попам – таки да...

Супруга, любимая Роза – Малина пожала плечами.

– Да нет, её уже похоронили. Другие родственники. Осталось наследство. (Дьявол явственно и дружески похлопал крыльями, выронив небольшое, лёгкое как пух! пёрышко... Скорее всего, это был Мефистофель, а кто там ещё соблазняет металлом?!

– На земле весь род людской... да вдоль по Питерской, да по Тверской – Ямской...)

...наследство... донеслось откуда-то издали. А! Супруга...

– Иконы? – вырвалось у меня.

– Дом с постройками. Двадцать соток под огород. Тридцать пять соток под сенокос. Десять кустов смородины. Десять крыжовника. Малинник. Чернозём! Всё это нужно продать.

Пауза. Все бесплотные сохраняли нейтралитет. Силы берегли силы... начала не могли начать, а власти взгромоздясь на престолы, мечтали о чём-то своём...

– Зачем? – я удивился. – Мне они нисколько не мешают.

– Да? А зачем оно нам нужно? Ты хочешь пожить в де-

ревне?

Интересный вопрос! Я даже никогда не думал об этом. Жить в деревне и по всякой, самой незначительной нужде бегать по сугробам? Носить из колодца воду, коромыслом отбиваясь от стаи голодных волков?! Хотя, конечно – если взглянуть на ситуацию в другой прицел – в этом имелась определённая доля романтики.

– А летом рыбалка, да? Грибы там, разные. Ягоды всякие... Кони по утренней росе... Воробьи... Навоз... Ну да, он самый! Значит, неправ был Карел Чапек – мир катится в правильном направлении!

– Ты что? И в самом деле, хочешь пожить в деревне? – Большое и горячее тело любимой всколыхнуло атмосферу. – Это тебе не дача, куда тебя не всякое лето загонишь! (У Розы была маленькая дачка, кусочек земли сотки в три-четыре прямо за городом. Досталась по наследству. Так, кое-какие грядки да цветы...) Кроме того, там действительно пахнет навозом! Много мух и нет ванны. Вода в колодце. Тебе этого не выдержать. И причём здесь твой друг? И вообще, почему раньше я о нём не слышала? Ты, как помнится, его к нам не приводил...

С женщинами порой, бывает чертовски трудно разговаривать. Понять, что ими движет и вовсе невозможно. Нет... вообще то, в друзья ни Чапек ко мне, ни я к нему не набились, но если бы он был жив, я бы с удовольствием пропустил с ним пару десятков кружек чешского доброго пива!

– Ты меня совсем не слушаешь! – вопль жены сбивает нависшие плестись ажурные мысли в кучу.

– Давай помянем тётю Шуру!

– ТЁТЮ ОЛЮ! – молния в мою ничтожную сущность. От электричества потрескивают волосы. Густо пахнет озоном. – У нас на поминках не пьют!

У них, это у немцев. Роза – Малина, как я уже сказал, была из тевтонов. На самом деле мою жену зовут Лена. Елена. Ну, Ёлка, в крайнем случае. А имя – прозвище Роза – Малина дал ей я, когда мы только познакомились, уж больно кстати и некстати она краснела, когда я в первый раз потрогал её, а потом хотел поцеловать. Дело было в малиннике, на усадьбе ее тёти Томи в деревне близ Омска. А в деревне жили почти исключительно немцы. Переселённые в Войну с немцами же, с берегов Волги, потомки тех, которых в своё время, приглашали в Россию и Пётр I и обе Екатерины. Ясное дело – пособники Гитлера, иначе на кой чёрт товарищ Сталин, их, аж сюда, переместил?! Правда, он «на всякий случай» переселил сюда и вообще «в остальную Сибирь с Казахстаном, Киргизию впрочем, плюс тож...» и калмыков, и татар крымских и чеченцев с кабардинцами и прочая и прочая...

Трудно понять иной раз замыслы стратегов, а Сталин был таковым, что бы там про него не плели сегодня... Да, во многом был неправ. Да, но во многом – прав! Как писал в своё, впрочем, не такое уж отдалённое время в одной из немецких газет, некто Француз: «**Jedes Land hat die Juden die es**

ferdint» – (Каждая страна достойна своих евреев.) За грамматику фразы не ручаюсь, но смысл – тот!

Пунцовая, как самый настоящий цветок семейства розоцветных (спасибо товарищу Линнею за классификацию!), но попавшая по недосмотру в список сорняков (тут Карл не при чём!), Роза – Лена невзначай прижалась ко мне и почувствовала, что этим дело не кончится. Ну а я это знал с самого начала...

Ну, ладно. Я – то-русский. С изрядной примесью, возможно... татаро – монгольско – кавказской крови, о чём говорят некоторые антропологические признаки но – русский. И у нас более гуманные обычаи относительно умерших родственников. И тем более потрясённых неожиданным известием родственников усопшего.

Кстати, о татарах. Последние разыскания многих теперь учёных и мои собственные размышления после прочтения ряда источников (да Льва Гумилёва взять, к примеру или Егора Классена) – вовсе не подтверждают наличие гигантского количества татаро – монгольских войск, тем более что татар у монгол, было вовсе ничего. Совсем не было по причине их безвременной кончины от рук Чингисхана... А вот китайцев, узбеков, русских и итальянцев было сколько угодно! Полным – полно! Их вообще в Том войске было преобладающее количество. Ну, и какое, чьё было Иго, если вдуматься? Тем не менее, в нашей семье бытовало мнение, что некто Едигей, известный в те времена, имел некоторое, пусть

и опосредованное отношение к возникновению моей фамилии. Моя мать как – то между прочим сказала, что я – потомок таких-то и таких-то ... а Иван Грозный был покровителем моих пра-прадедов... Отец, это не отрицал...

Так что... если я и татарин, то ближе к крымско – турецко – кавказско-волжским корням... и так далее... Тем более, что турки куда уж какой разноплеменной народ на самом деле! Впрочем, русские тоже вряд – ли отстали от турок, чего уж там...

Вот и напрашивается такой вывод: «жуткое иго» придумала благословенная православная церковь, дабы скрыть свои усилия по уничтожению той части народа, которая, ни в какую не принимала «добрую и незлобивую» восточную идеологию... отчего – то всё время как ни странно опирающуюся на меч. Во всяком случае, на многочисленных иконах многие же так называемые «святые» размахивают мечом куда как с добром... А, оно, добро, должно быть с кулаками, как известно! А уж если в кулаке ещё и меч зажат... Правда, не всегда он помогает. Вон, в Гефсиманском саду даже пара мечей не помогла супротив римских профессионалов: «Куды прёшь, отщепенец!»

Я налил рюмку, выпил. Огненная вода была принята организмом с распостёртыми объятями. Мир – несмотря на то, что зима не кончилась, а на клёнах (за окном!) не выросли бананы – стал выглядеть более живым, а любимая супруга помолодела лет на пять – семь. Видимо поэтому алхимик

Рабез и назвал полученную им жидкость «аль – кехаль» – что приблизительно значило: омолаживающий, веселящий, дающий жизнь, возрождающий... словом – вещь нужная, своевременная...

– В салон звонил? Покупают, твою... сюр – рельность?

– Звонил, ласточка (69 килограммов без одежды и зонтика), звонил. Тишина. Тупое и жадное человечество недопонимает, что любить меня следует сегодня, сейчас, а не после, как у нас весьма нередко бывает. Все великие художники...

Ласточка позволила себе фыркнуть. Пусть.

– Чем занимался целый день? Портрет закончил?

– Девушка, вы же прекрасно знаете, что у меня в текущий момент творческий застой. Это сравнимо, если тебе объяснить... С...

– Неужели срисовать с фотокарточки!..

– Крепись, друг, и не такое ещё будет! – подбодрил меня Чёрный ангел, он же Дьявол, он же Веельзевул, он же Зелёный Змий. (Рептилия, а туда же!)

– Сри-со-вы-ва-ют, лапонька моя, маленькие сопливые дети. Кроме этого они ещё иногда описывают пелёнки. Или новомодные средства гигиены. Ну, ты знаешь – сама мама. А художник, если ты этого не знала – творит! Это так Природа распорядилась. Даже если с фотокарточки! Я никогда не унижусь до элементарного копирования!

– Унизился бы, если бы умирал с голоду!

– Никогда! – гордо вскинул я голову – Лучше смерть!

(тем более, что наш холодильник голода и засухи на ближайшую неделю не прогнозировал). – Как говорила гордая испанская женщина Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Роза – Малина (дай ей немецкий бог здоровья ещё более отменного!), – человек сугубо материальный, хотя и выпивает с подружками по праздникам и в свой день рождения. Живопись она измеряет квадратными метрами и что такое вдохновение ей неведомо. Но вместе с тем мы вместе уже... длительное время, и я продолжаю её любить. Впрочем, это не говорит о том, что я ещё надеюсь её переубедить и заставить рыдать от восторга у моих будущих бессмертных полотен. Бесполезно. Мы живём в разных пространственно – временных измерениях и разных мирах. Её мир – мир коммерции. Роза – Малина на паях владеет небольшим, но прибыльным продуктовым магазинчиком и не без основания полагает, что её деятельность – единственная стоящая во всём подлунном мире. Не возражаю. Люди, которые набивают холодильник продуктами, также имеют право на существование. Особенно если у них широкие бёдра, полная грудь и бездна наивности в глазах.

Но я и свою причастность к миру Большого Искусства не считаю большим счастьем. Потому что Художник, бывает, счастлив не тогда, когда продаёт картину, не тогда, когда все остальные не художники бывают, счастливы, и даже не тогда, когда его друзья по цеху завистливо скрежещут зубами,

глядя на толпу корреспондентов вьющихся вокруг Произведения, а счастлив, бывает художник, в момент Вдохновения. Вот тогда и наступает настоящая жизнь... К несчастью, она случается не так часто, как бы хотелось, и это не всегда период лени обыкновенной...

– ...может быть там, закончится твой период застоя? – всегда поражала её способность неожиданно врваться в мои мысли.

– Гм! Возможно. Конечно. Да. Но ... о чём ты?

– Опять в облаках витаешь? Ты неисправим! – она вздыхает, так, что грудь под платьем увеличивается в размерах. Звенит напрягшаяся ткань... – Я и говорю: поезжай в деревню, проветришься. Ты опух от пьянства и пожелтел от табака. Прокурил всю квартиру!

– Побочный эффект. Ничего не поделаешь. Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц!

– Чьих? – моя любимая вдруг свирепеет. Вот уж загадочность женской природы. – Если ты имеешь в виду...

– Нет! Не имею!

– Тогда помалкивай. В общем, поезжай в деревню. Может быть, продашь дом, кому-нибудь из местных!

– ???

– Ну... много за него вряд ли выручишь. Тысяч сто, максимум. (Ого! Да за сто тысяч, вернее, на сто тысяч... я могу купить столько всего!) – Но не пропадать же добру. Ну и проветришься. Используюшь период своего застоя. Я ду-

маю, из деревни ты вернёшься с массой новых впечатлений и идей.

– Ехать на пленер? Зимой? В деревню?! Когда вся природа спит... А я... как та самая особа с котелком... пятьсот километров пешком... по шпалам, так сказать, по шпалам...

– Какая особа?! Супруга напряглась ещё больше. Эта, твоя ... как её... испанка?! И причём здесь котелок?

– Ну, как бы это популярней... это такая песня... слова из неё... народные... А испанка, как ты выразилась не моя – она – Общепризнанное, скорее даже Мировое достояние! Председатель компартии Испании в прошлые годы! Воевала с Франко и вообще с фашизмом! Правда, генерал оказался порасторопнее и задавил коммунистов Испании. Причём давил иногда вовсе не фигурально...

– Вечно ты со своими мудростями! Сама я ехать спать с тобой вместо природы не могу. Сам знаешь – магазин. А ты всё – равно ничего не делаешь. Вот и поезжай. Тем более это не твои пятьсот километров, не выдумывай – всего-то триста!

Утешила...

Я сделал попытку представить себе Это. Жуткий холод, мёртвый зимний лес, сугробы по пояс минимум, по горло максимум, голодные волки с подведёнными животами под жёлтой луной и я сам, с убогой котомкой, сшитой из мешковины и в крупных заплатках, скорбно бредущий в даль неведомую, среди всей этой экзотики. Мм-даа... Стоп! Забыл по-

ложить в котомку ломоть чёрного хлеба, луковицу и соль в тряпице... Вот теперь точно ... – Мм-даа... Посох забыл, а как в странствиях без посоха? Тем более – чем от хищников отбиваться?! Да, а посох-то из «вяза червлёного», не иначе – а то какой же это посох?!

Я взмолился, как тот старик из «Золотой рыбки». Не хуже. – Драгоценная моя! Но, ты же знаешь, что я и коммерция вещи совершенно несовместимые! Было уже!

Вряд ли из её памяти стёрлось воспоминание о том, как я едва не пустил по ветру их с товаркой совместное предприятие. Это случилось в другой период творческого застоя, когда моей изобретательной жене вздумалось использовать меня в качестве продавца. Сначала, я был категорически против, но потом вспомнил, какой у них там ассортимент и решил попробовать. Разумеется, имелся некий комплекс. Пожалуй, он возникает у всякого, кто впервые в жизни, отваживается что-либо продать незнакомым людям, которые будут смотреть не только на товар, но и на тебя, и будут знать, что ты здесь вовсе не случайно встал постоять. Ты встал – и – Торгуешь. (Как не стыдно?! Как мог Так опуститься?!). Естественно, всякое следующее утро я начинал с подавления этого комплекса, принимая внутрь то или иное количество изобретённой, уже упоминаемым арабским алхимиком Рабезом (слава Ему!) жгучей жидкости. (А ещё говорят, что мусульмане якобы не употребляли спиртного! Правда, некоторые исследователи утверждают, что не Рабез открыл жгу-

чую жидкость, а лишь шёл по стопам...) После этого (не после открытия!) дело шло с завидным успехом, нужно было только не забывать время от времени подавлять комплекс. В общем, торговля шла бойко, и я даже почувствовал к ней некоторый вкус. До сих пор не могу понять, откуда взялась такая дикая недостача – складывалось впечатление, что я не продавал водку, а раздавал её бесплатно, что верным было лишь отчасти.

– Хоть раз в жизни ты можешь быть мужчиной?! – яростно и сквозь зубы проговорила супруга.

– Ты о чём? Неужели я тебе ещё не доказал? И дети наши откуда? А началось всё с малины у Тёти Томи! Неужели забыла?!

Она вдруг покраснела как тогда в малиннике. Не без удовольствия. Но спрятала все вы глубоко внутрь.

– Не самцом, а мужчиной! В постели всякий может!

Она, разумеется, по некоторой наивности сильно заблуждалась. Некоторые очень даже могут и не в постели... вон, сколько насильников да маньяков развелось... Некоторые вообще не могут, ни там, ни там, природа такая... или их султан или шах попросили не беспокоиться... Но спорить было бесполезно. Вместо того чтобы впустую дерзить, я весьма красноречиво выпил ещё. Если полковой врач разрешил, значит, что-то в этом есть...

– Вот-вот! Только это ты и умеешь! – зашипела любимая супруга.

– Не только! Могу тушить пожары, потому как имею такую военную специальность... Стреляю... стрелял в армии кстати, тоже неплохо, прямо скажем... Землю могу копать, профессионально между прочим! На украинской земле наловчился, кстати сказать... И ещё я неплохой художник! Да. А в юности был станочником по деревообработке. Второго разряда. На третий сдать не успел, по семейным обстоятельствам...

– Петров – Водкин.

– Что ты этим хотела сказать?! – шерсть на мне от такого сравнения, встала дыбом. – Он реалист, а я сюрреалист! Он пишет, писал, как видел, а смотреть и видеть это не одно и то же, а я пишу, как нужно, подсознанием автоматически отображая натуру! Разница!

– В общем, так, мой милый! Я уже обо всём подумала. Вот тебе доверенность, билет в один конец и тысяча двести пятьдесят.

– Ты с ума сошла! Кто с такими деньгами отправляется на край света?!

– Хватит. Не будешь пить – хватит на месяц. Двести пятьдесят на обратный билет. Истратишь – пойдёшь пешком!

– Чёрт! Лучше бы я писал этот проклятый портрет! Тоже, кстати, покойника. Заказ раздобыла супруга. Кто-то из числа её множественных знакомых, захотел иметь писанный маслом портрет дедушки. Мне притащили чёрно – белую фотографию и информацию о том, что глаза у дедушки, были голу-

бье... Я, уже говорил, что по стилю и убеждениям сюрреалист, а чѐм имел уже сообщить. Тут, разумеется, давать волю фантазии было нельзя. Последние три недели я только и делал, что вглядывался в фотографию, пытаюсь увидеть в дедушке жизнь, а на загрунтованном холсте цвели васильковым цветом глаза...

Мало кто знает, даже из художников, что фотографии, как и картины для лучшего восприятия следует рассматривать одним глазом. И с определённого расстояния. Тогда видишь практически стереоскопическое, объёмное изображение. А объяснение тому, весьма простое. Фотоаппарат ведь снимает Одним глазом – объективом! А мы их Двумя рассматриваем, заставляя мозг изощряться – «выравнивая» изображение. Это подметил ещё в XIX веке, американский писатель и физик Карпентер. А физик Перельман из Ленинграда об этом вспомнил и даже книгу написал. Мои картины, кстати, тоже следовало бы рассматривать именно так – тогда и в самом деле появляется и глубина, и игра теней, и выпуклость. Но современные критики, похоже, этого не знают, вот и несут, чѐрт знает, что! Я по этому поводу замечу далее, при случае...

Да, так я о дедушке... Кого-то он мне явно напоминал, но кого? Где я мог видеть именно Эти васильковые глаза? Было полное впечатление, что ещё... лет так четыреста, а то и восемьсот назад, я их уже видел...

Ночью, мне приснился средней паршивости кошмарчик.

Крысы. Много крыс вокруг лежащего человека. Глаза его с полным безразличием смотрели куда-то вверх, возможно туда, куда (как говорят некоторые недоразвитые), улетает душа. Руки и ноги раскинуты. Ему не больно. Он мёртв. Мёртвые не потеют, не имут срама и ни во что не вмешиваются. И я, рядом с каким – то ещё живым мужиком – пьяные в доску. Я отчего-то смеюсь! Всё это, происходило в некоем доме, в свете одинокой керосиновой лампы. Пахло землёй, плесенью и кислой капустой. Как можно во сне различать запахи – для меня до сих пор загадка. Но не это даже было главным. На улице лежали, по всей вероятности, убитые мужчины. Или пьяные до умопомрачения. Несколько человек. Кто их там положил, понятно не было. Шёл снег и падал на крыши какой-то деревни, на застрявшую в снегах простреленную машину.

Страшно не было – по телевидению теперь и не такое показывают, да и в жизни... вон, не так давно прямо на тротуаре, на улице Мельникайте, застрелили криминального авторитета Рашида – «бах» и нет товарища... или там... прямо в больнице и тоже в центре города одна группировка простреляла оппонентов из другой группировки... Ходили слухи, что это какая-то «Десятка» – местная достопримечательность, группа криминально озабоченных спортсменов, поддерживаемая женой самого наибольшего чиновника в области... но Этот сюжет от чего-то касался меня непосредственно. Дело было в том что когда я проснулся, долго искал

«спрятанное под матрацем» оружие. Интересно – это какая стадия шизофрении?

Утром Ленка мудро улизнула на работу пораньше. Иначе бы я, как минимум, удвоил сумму дорожных расходов.

Итак, проснулся я с тоской во всём организме. Жить не хотелось, куда там, в какую деревню ехать! И всё вокруг было серым. Где-то на дне желудка отложился странный осадок, ожидание беды, чего-то такого, необъяснимого вообще, мучительного. На всё это сверху давил зимний рассвет, который и в благоприятное время не вселял большого оптимизма, а сейчас напоминал конец света в Заполярье, когда бледные и немощные солнечные лучи лишь намёком обозначив своё присутствие, собрались навсегда покинуть Север и вообще Землю... Имел я как-то удовольствие наблюдать такой эффект на полуострове Ямал, куда меня занесла сама Нелёгкая, лично... Самолёт на котором я летел домой, в областную столицу, ввиду непогоды, приземлился в Салехарде, где полных три дня и полных три ночи, я наблюдал за состоянием Природы. Да уж... Метель перемежалась позёмкой, снегопад пургой, пурга – снегопадом... Там ещё присутствовал и Мороз – Иванович... А люди здесь живут и работают годами. Десятилетиями. Всю жизнь!

А как жили зеки на Севере? Ужас... Впрочем, они и сейчас прозябают, причём в самом прямом смысле в Харпе, в Лабытнангах, в Сургуте... В одном им повезло – на ликвидацию Чернобыльской заразы их и под усиленным конвоем

не посылали! Хотя это и очень странно – в войну с немцами, были роты, батальоны, полки зэков, и воевали! Неужели фашисты были менее страшны чем радиация?

В зале на столе лежали документы, деньги и тёплая записка с пожеланием всяческих успехов. «Спасибо, солнышко, ты была очень любезна!» В конце – концов, действительно следовало проветриться и моя жена права. Впрочем, моя поездка, быть может, была способом деликатно отделаться от бесперспективного, пусть хоть и двести раз талантливом художника? Ну, что же! Умру достойно! С гордо поднятой головой! Как мужчина! В конце концов, как потомок татаро – монгольских ханов, перенесённый ветрами Истории в наше время! Примеров тому, сколько угодно... «Варяг» врагу не сдался... правда и «Корейца» рядом нет и умирать в одиночестве в некоем роде тоскливо... Не зря ведь, родилась в русском народе пословица: – «На миру и смерть красна!»

Почти всю свою «взрослую» жизнь (за исключением нескольких мелко – детских лет, армии «первый раз» и Чернобыльского войска во второй), я прожил в городе, в пятиэтажном доме. Дачи у меня не было никогда (разумеется если не считать своей наследственную ленкину делянку в три сотки), впрочем, я и не стремился приобрести ещё что-либо. Богатство – развращает... И никогда не жил в деревне. Тем более, не торговал там домами. Поэтому и понятия не имел, с чего нужно начинать. Но в таких условиях, насколько я знал, прежде всего, следовало позаботиться о питании. Взял спор-

тивную сумку и выгреб из холодильника почти всё, что там было. Особенно ценными, после двух бутылок водки и круга колбасы, были две банки «Килек в томате» – универсальная закуска – еда, если хотите. Буханка хлеба, банка килек и несколько стаканов хорошего чая – питание на целые сутки, если правильно распорядиться! Подумал: не взять ли с собой кисти и краски? Вдруг там придётся задержаться, кто знает, что там с погодой, с обстановкой и прочим?

Не взял. Чего ради... я... задержусь дольше недели? Гори оно всё разноцветным огнём! Если возникнут какие-либо сложности, то долго раздумывать не буду – съеду в пять минут!

На автовокзале былолюдно, и что мне особенно понравилось – два буфета, было где утолить жажду. В автобус я сел в более приподнятом настроении, чем вышел из дома. Погода, кстати, была так себе. Холодно и ветрено. Когда автобус вырুল из города снег пошёл. Нн-да... и куда это я, попёрся, интересно?

Задремал. «Сукино! Сукинó? Или, нет..? Нет... Кто там до Щукина?! Вылезай» – заголосили впереди. И я открыл глаза. Взял сумку и продрался к выходу. Народу и вещей в автобусе было полно – и куда можно зимой ездить?! На улице мело, крутило, выло и шуршало. Я уже забыл, что так бывает. Нет, по телевизору я сам видел! – иногда показывали, но я был твёрдо уверен, что всё это подстроено московскими режиссёрами.

Не вернуться ли мне в тёплый автобус и доехать до конечной, а там видно будет – ведь автобус пойдёт же когда-либо обратно? Но ушлый водитель успел догадаться раньше меня. Дверь с лязгом закрылась. Меня обдали синим облаком гари «семьдесят шестого» бензина и автобус укатился далее, куда-то под горку, сразу скрывшись в волнах метели или того, что крутилось вокруг. Всё. Я был брошен на произвол судьбы. Пусть это не Салехард, но – Сибирь, всё-же!

Вместе со мной из автобуса вышли две старухи. В отличие от меня, они знали, что им делать дальше и прежде, чем я успел собраться с мыслями, ушли в снега, по крайней мере, на полкилометра, к кромке утонувшего в белой вате и едва заметного леса. Никакой дороги видно не было, всё замело, и как они ориентировались, не понимаю. Но что более всего убивало – здесь не было никакой деревни! Бабки шли прямо в лес и вокруг, кроме заметённого снегом шоссе, никаких признаков цивилизации не было. Вообще ничего! Ни тебе высоковольтной линии, ни тебе газопровода, ни ещё чего-нибудь выдающегося. Помнится, так уходил в горы чукча Алитет, и конечно же ищи его там – свищи! Он был автохтоном, аборигеном, всё знал о жизни, мог запросто прожить хоть в тундре, хоть в горах, и «мои» бабки наверняка из таких хоть на чукотских женщин явно похожи не были.

Я подхватил тяжёлую сумку и, выкрикивая на ходу различные призывы к смывающимся аборигенкам, запрыгал по сугробам.

Догнал, почти у самого леса.

Мне повезло. Когда я принялся расспрашивать, мне сообщили, что тётю Олю обе старушки знали и обе принимали непосредственное участие в поминках. Знали, соответственно, где её дом.

– А вы кто будете, родственник?

– Точно. Родственник. Близкий...

– Жить собираетесь или как?

Меня передёрнуло: – Жить? Нет. Я ведь в городе живу. А продать этот дом можно? Купит, кто-нибудь?

– Только далеко, дом то... если кто захочет там жить. Молодые, которые от родителей отделяются...

«Далеко» – я неправильно понял. Я решил что «далеко», это далеко от города, от цивилизации с её ваннами, кафе, троллейбусами и губернатором. Но когда старушки остановились и неопределённо указывая куда-то в негостеприимный и скорее всего дремучий как в сказках лес, сообщили, что теперь мне туда и ещё километра через полтора – два, ну, может и три, будет хутор, что и было далеко, т. е. далеко от самой деревни Щукино, я понял, какую совершил ошибку, вообще согласившись ехать сюда.

– Лучше бы он сгнил! – подумал я вслух.

– Неет! Дом добротный, из лиственницы – полтыщи лет простоит!

– Ну да?

– Там дом – на замок заперт, а ключ над дверью на гвоз-

дикее... да ты сразу узнаешь – забор там вокруг и две стайки рядом... баня ещё...

– Обратно, в город, автобус, когда будет?

– Э-э-э, сынок, теперь только завтра с утра... Часов с пяти...

Точно! Меня послали на гибель. Это лишь гордый «Варяг» врагу не сдавался без боя, и то потому, что у него были пушки и торпеды. И полны погреба снарядов! А тут... даже завальщего одноствольного ружья нет!

Пока я думал, то, что можно было назвать тропинкой, раздвоилось и старухи ушли, круто повернув вправо. Стало быть, мне идти налево... Как там говорилось в старину? – «Прямо поедешь – убитому быть... налево поедешь – богатым быть...» Нн-да... Ещё можно было догнать их, напротиться на ночлег, а утром уехать домой. Это было бы самым разумным решением. Из всех возможных. Но я почему-то не побежал. Вот они исчезли за поворотом того, что считали дорогой. Всё... Следы стало замечать. А ноги мои стали деревенеть. И я, как-то незаметно протрезвел. Во всех смыслах...

В детстве, как каждый нормальный мальчишка я зачитывался книгами Джека Лондона. Читать их было безумно интересно и... совершенно не холодно. Даже когда Смок Беллю замерзал в снегах, я не очень переживал – знал, что он выкрутится из очередной переделки. Ихнее измерение температуры и наше – совершенно разные вещи! Если в книге

говорится о «жутком морозе» в пятьдесят градусов, так это по Фаренгейту! А «по-нашему», по Цельсию, – всего-навсего, сорок шесть. Опять же – они и по Реомюру могут измерять – чёрт их, иностранцев знает! Лорд Кельвин какую-то шкалу придумал, Ньютон...

Но это мороз «там», на Юконе.

Другое дело – мороз в городе, когда стоишь, на какой-нибудь, разгромленной юными дарованиями остановке и дожидаясь автобуса. Совсем третье – в лесу, у чёрта лысого на куличках, когда вовсе не соображаешь, куда тебя занесло, когда скоро настанет вечер, когда вокруг ласково приплясывает метель. Одеться теплее, чем я одевался в городе мне, разумеется, и в голову не пришло. Теперь я пожинал плоды собственного легкомыслия. Идиот!! Ленка ведь не зря сказала...

И пусть это был не Клондайк, а зауральская, а ещё точнее Западно-Сибирская низменность, было, чертовски холодно. Кстати: кто это придумал что то, что меня окружало – нужно называть низменностью? Пока мы ехали, автобус то нырял в какие-то распадки, то взбирался на пригорки, иногда довольно крутые, тут и там шоссе пересекало овраги, глубокие как ущелья, тут же переходившие в бугры и холмы. Тоже мне – учёные! Вводят народ в заблуждение с самого порога школы!

Теперь я, пёрся по этой самой «низменности», напрямиком на Ямал или Таймыр, хотя, как кажется, впереди могли быть

и Уральские горы. Я пока не понял. Пройдя метров пятьсот, понял другое, что, там, за лесом, куда вела корявая просека если и есть какой-то дом, в чём я очень сильно сомневался: там, за лесом окажется новый распадок, за ним холм и так далее... Окончательно околеть от холода я собрался метров через двести пятьдесят (250). Поэтому, пройдя ещё чуть – чуть подумал: а какого дьявола, собственно? Какой во всём этом великий смысл? Даже если я туда доковыляю, доползу, довлачусь, неужели я своими закистенелыми граблями сумею открыть двери, растопить печку, которую я быть может, видел наяву в начале жизни и на Украине, в частных домах, когда пришлось их дезактивировать. То есть, говоря попросту – мыть спецраствором и убирать радиоактивный навоз в хлевах. Какая, собственно, разница, где я замёрзну, здесь, или на сто метров далее? И что потеряет Мир, когда я откину хвост в этих снегах?

– Да ничего не потеряет – вывернулся из сугроба Чёрный ангел, отряхивая крылья, забитые снегом, но самоубийство у нас строго карается, имей в виду! (Он показал крылом куда-то вверх и в сторону...) Между прочим, Бенито Муссолини, когда пришёл к власти, за самоубийство садил в тюрьму!

– Это как? Если самоубийца самоубился, то он тово... тебе не кажется?

– Тупица! Тех, кого спасали!

– Правильно, что, садил! Если ты собрался свернуть себе шею или утопиться – так делай всё по-человечески! Подго-

товь плацдарм. Камень потяжелее. да верёвкой хорошо обвяжи. А то получится как у Максима Горького. Якобы хотел зарезаться, да слегка промахнулся! Это он то не знал, где сердце или печень, расположены?!

Впереди была яма, которую выдуло ветром меж корней толстой сосны. Из мёрзлой земли торчал толстый изогнутый корень, на него я и присел. Открыл молнию на сумке. Тускло блеснуло. Весело булькнуло. Живая вода! Родная!

Холодная водка не имела вкуса, потому я с налёта клюкнул едва ли, не целый стакан. Некоторое время было ощущение, что я наглотался холодных лягушек и теперь отогревал их последним теплом тела.

Говорят, замёрзнуть – самая лёгкая смерть. Не знаю, не пробовал. Но без мук и страданий попасть на тот свет не каждый может. Теоретически я должен быть счастлив, что мне суждено замёрзнуть, а не умирать неспешно, от какой-нибудь там... эмфиземы лёгких или рака. Во всяком случае, с десятков моих товарищей по службе в Чернобыльской зоне именно от разнообразных форм рака и умерли. Правда (некоторые), врачи до сих пор утверждают, что рак – это случайность, радиация не обязательно к такому эффекту приводит мол, не так страшен чёрт... и так далее. Мол, в Японии после ядерной бомбардировки и то, нет ни мутаций, ни, тебе – особенных заболеваний на почве облучения. Я уже говорил, что служил там, в Зоне. Не в Японии, не поймите неправильно!

А был я там, то есть в городе Припять, в двух километрах от которого и расположена Чернобыльская АЭС, немногим менее чем через месяц после взрыва атомного реактора. А именно: прибыл в Зону двадцать второго мая 1986 года. Три месяца и три дня, я с товарищами, также призванных «на учебные сборы сроком на тридцать дней» недремлющими военными комиссариатами провёл, копаясь в останках некогда могущественного Четвёртого энергоблока Чернобыльской атомной станции. Трижды был на крыше Третьего блока – убирал радиоактивный мусор. Впечатление, прямо скажу даже не сюрреалистическое-просто страшно, особенно первый выход на крышу реактора, этого самого Третьего, соседнего с Четвёртым блоком, заваленную радиоактивной пылью, таковыми же осколками бетона, залитую гудроном или битумом, к которому это добро намертво прилипло... А ты в обычном ОЗК – общевойсковом защитном костюме, от радиации никак не защищающем, да в рабочих рукавицах... Ну... ещё очки ... Надоела эта служба Родине так, что даже вспоминать о тех героических днях, не всегда хочется... Во всяком случае, тоски по дням службы никакой! Мне повезло, что был в пожарной роте, где хотя бы воды было вдоволь, можно было и напиться, и помыться. Мне повезло, что «схватил» не более сотни рентген или бэр, как ещё именовали дозу облучения. Естественно, это по моим с товарищами подсчётам. Официальная доза, что стояла в карточке учёта доз облучения – 22 рентгена «с копейками».

Мне очень повезло, что инвалидом (пока) не стал, как тысячи моих сослуживцев, и в частности почти половина нашей пожарной роты, что организм более или менее, но в порядке. Лечился, как мог, не надеясь на врачебную помощь, которой любимая и родная страна не спешила окутать героев – чернобыльцев, как мать – старушка шерстяным платком больного сыночка. Нн-даа...

Ну, так и вот. Пока, однако, от мыс именно: ли что замёрзнуть, это гораздо лучше, чем остаток жизни провести на химических лекарствах, особого кайфа не почувствовал. Холод проник до самых костей, они наверняка покрылись изморозью, и я никак не мог унять дрожь. А ещё болели кисти рук. У меня от природы очень тонкая и гладкая кожа и кровеносные сосуды расположены очень близко к поверхности. При морозце уже так... за минус десять градусов (по Цельсию) если не надеть перчатки, кожа лопалась по складкам и руки мёрзли основательно. Вот, оно, проклятое южное наследие, привет из тёмных глубин не менее тёмных веков! Потому я всю осень и зиму носил перчатки. Пробовал закалять руки, но ничего толкового из этого не получилось. Не хотела кожа закалики, а хотела обычного крема для рук. Желательно жирного, как, к примеру – «Янтарь».

Шло время. Природа распустилась совершенно! Пел на разные голоса ветер, от его визга и воя в ветвях звенело в ушах. Валил снег, да так, будто снегоуборочная машина, сидя в засаде, специально забрасывала меня белыми хлопья-

ми! Мороз, пожалуй, был градусов, около пятнадцати. Ветер ведь всегда усиливает мороз градусов на пять. Физика!

«Ззамерззаешшь...» – злорадно прошептала в ухо метель. – «Не спи! Не спи! Со спящими ссамм знаешшь, что случается...»

Да наплевать! Пошла! И на тебя, Роза – Малина! Только попробуй похоронить меня в старом костюме! Я к тебе тогда по ночам шляться стану, всю кровь выпью! Ты меня знаешь, я такой... сидел и бормотал я.

И вдруг мне стало тепло. Даже руки отчего-то перестали мёрзнуть, наверное двести граммов подействовали, или Змей решил, что моя доза все поллитра – не знаю. Но факт был.

– Эге! – Я встал с корня и начал раскапывать занесённые снегом ветви. Для костра. Добыл из кармана билет, кусок какой – то газеты, скатал всё это в рыхлый шарик, посыпал хвоей, положил охапочку тонюсеньких веточек и сунул в эту кучку сразу десять зажжённых спичек.

– Вшш... шухх! – жёлтенькое пламя охватило моё сооружение.

– Ур-ра! – Я бросил в огонёк ещё несколько мелких веточек и палочек потолще. Зелёный Змей, помоги, дружище!

Это было похоже на сказку.

Я сидел меж корней сосны, о которую разбивались враждебные вихри всё усиливавшейся метели. Но в мою яму, отчего-то снег не попадал, вернее, попадал, но в не очень зна-

чительном количестве. Так, мелкая снежная пыль, что не наносило существенного вреда организму. Горел костёр. В полную силу, так, что я даже отодвинулся от огня, и поджарил кусок колбасы и закусил им второй стакан водки, неплохо усвоенный организмом.

Жизнь продолжалась! Да плевал я на мороз, пургу и на...

– Эй! Эй! – Чёрный ангел высунулся из-за дерева – Не плюй в колодец! И не спи – замёрзнешь!

– Ага! А не пошёл бы ты, уважаемый товарищ в свои палестины?! Арабы, вон, опять евреев подрывать стали. Смертники чёртовы! Полудурки! Нет, чтобы поумнее придумать процесс, так себя изничтожают... А ведь ни один еврей в смертники не запишется, а почему – это братьям – семитам невдомёк... Вот и шуруй там! И без тебя советчиков хватает!

Ангел обиженно пожал плечами и проскрипел снегом куда-то вглубь леса, бурча себе под нос: – Обидеть ангела всякий может, а вот когда придётся за помощью обращаться, так ко всем силам небесным умоляют...

– Не ври, Чёрный! Нет сил небесных! Сказка для полных идиотов! Ещё Анаксагор, Анаксимен и Анаксимандр по этому поводу прошлись в трудах своих, урезонивая малоумных греков... А что писали Ламетри и Гольбах! То-то... Вы ведь по Земле ходите, чего на себя, и на прочих – напраслину возводить! Не ребёнок я, чай! И не бабушка тупая! Крылья-то у вас бутафорские! Эфемерные, театральные, если хотите!

Я чувствовал себя баловнем судьбы. Умирать совершенно

расхотелось. И мне было многое по плечу. Идти на Ямал? – Запросто! Заглянуть на Таймыр? Плёвое дело! Если сам Александр Македонский, с голыми коленками да в сандалиях, как уверяют некоторые исследователи до него добрался... А уж пересечь эти холмики – Уральские горы я могу хоть сейчас! Да я... я могу дописать этот проклятый портрет! И не только... где-то там, где должен быть мозг, замелькали сюрреалистические образы, настолько яркие и оригинальные, что мне пришла мысль: сумею ли я перенести это на холст, мне бы Дали и на подковку для ботинка не годился бы... – я посмотрел на свои скрюченные, серые от золы пальцы. Пошевелил ими. Ничего, нормально. «На рояле бы не сыграл, но кисть, стакан и топор...!» Тем более, что ни на рояле, ни на ещё каком-либо инструменте я играть не умел. И не очень хотел. На то, есть специалисты – им и клавиши в руки! А с пожарным топором я был хорошо знаком – приходилось не раз разносить в щепу те или иные горящие конструкции... Особенно понравилось как-то... ломать горящую ясным огнём полковую «губу!» где мне, как-то... пришлось пребывать десять суток «за нарушения положений Устава „различного характера“»... Это было блаженство!! Сгорела вся!

Я оживал. Не в смысле отогревался – я уже давно был «тёпленьким» в самом положительном и хорошем смысле – уходил критический момент. Тот самый идиотский застой, о котором нетворческие люди понятия не имеют и путают его с бездельем художника – будь он писателем или сюрреали-

стом, как я... Творческий застой, это ведь не прихоть, это какие – то невероятно тяжкие цепи, в которые тебя заковы- вают некие обстоятельства. Ты... вроде бы можешь, хочешь, думаешь, а подошёл к мольберту и... пшик! Не пишется, не можетя. Хоть бейся головой о стену, хоть о мебель. Нет тол- ку, словно вместо мозга шматок овсяного киселя. Так и у пи- сателей. Есть у меня приятель, неплохо пишет, даже очень неплохо, многим не только тюменским, но и московским фо- ру даст. И у него застой временами бывает. Ну вот, не идёт вещь и всё! И мысли есть, говорит, и желание писать, а – Не Идёт! Как у того «Доцента» из кинофильма: – «Тут помню, а тут не помню!» А потом, само – собой, ни с чего, вдруг вырывается из под руки и – пошло, пошло, пошло! Муза ли пролетела, спеша в косметический салон и заглянув по пути на минутку к подшефному, или Пегас проскакал на водопой к чистым водам Иппокрены, но получается...

И вот я подумал: А не совершить ли мне ещё один подвиг в виде марш – броска по сильно пересечённой местности? Или сначала вздремнуть?

– Я же тебе сказал – не спи! Замёрзнешь! – донёсся издали голос Змея. – Хоть ты и хам, но ещё нужен, увы. Без тебя рассказ не закончить! А я, между прочим – замёрз!

– Да – ладно, пойду, – решил я. – Дорогу осилит идущий!
Встал. Земля под ногами закачалась. Пусть качается, ей это не поможет! Я уже принял решение! Стал вспоминать, откуда пришёл и в какую сторону нужно идти. Огляделся.

Вокруг снег, дует ветер, качая, зелёные (А! сосны ведь!) ветви, надо мной нависли низкое небо и ветви голой, голее не придумаешь берёзы. Все ориентиры. Не густо. Правда, это не океан, где ориентиров не более, чем в моей яме, а лес. Тут... где-то Север должен быть на берёзе... Ну... мох в смысле... Ну да! И что мне даст этот мох, если я изначально не знал, в какой части света находится дом tante Оли?

Закинул сумку за плечо и мужественно бросился вперёд. Примерно так бросаются на амбразуру ДОТа или на минное поле. В кино, разумеется и в Великую Отечественную войну. Как бросались в Афганистане и Чечне в невеликую, но почти в три раза более протяжённую во времени войну я точно не знаю, думаю, что как-то иначе – желающих запросто расстаться с жизнью поубавилось, да и НКВД с заградотрядами за спинами не стоят, как часто было в Великую Отечественную... Хотя, если подумать, тогда, на Чернобыле дураков ещё было в достатке. Некоторые идиоты, сами (!) лезли на реактор, спасать страну! Без всякого специального оснащения. Их было немного, но они были. Я не говорю о погибших украинских пожарных, это были люди долга. Им, положено делать то, что положено инструкцией. Это их работа. За которую они деньги получали. Я о других. Лезли, облучались... без всяких средств защиты ведь были... Наши ребята из пожарной роты и я, разумеется, никаких средств защиты, кроме респираторов типа «Лепесток» не имели. Те ОЗК, что я упоминал за Один только выход на крышу, набрали столько

рентген, что «ни в сказке сказать, ни пером описать». Их мы закопали в лесу, под приметной сосной, вместе с пожарными рукавами, тоже «светящими» как фонари! Что тут говорить если в боевых отсеках наших машин фон был 1 рентген! И при этом, командир роты писал нам в карточки учёта доз в ПЯТЬДЕСЯТ – СТО раз меньшие цифры... Я не оговорился. Дозы занижались везде и всеми командирами именно в Минимум Десятки раз...

Но Страну спасли... Двести тысяч из тех шестисот, что работали на ликвидации последствий катастрофы, не дожив до пятидесяти лет умерли. Без славы и почёта, просто так, **между прочим**. Словно их и не было никогда... Я не сторонник всяких там выпретенных слов о подвиге, долге, Родине и тому подобной ерунде, о которой вовсе не думаешь Там, на военной Работе, но которые затем так и вьются нимбом вокруг твоей головы... Я сторонник честных отношений между собой и Государством, которые как показала практика, во многом заменяются и подменяются указанными выше словами... Кто то из царских ещё людей сказал, что награждать людей нужно – награды государству Ничего не стоят... Но это не про нас. Не про меня... Не про большинство моих однополчан...

Впрочем, я о текущем моменте... Самым сложным, оказалось, выбраться из собственного укрытия за сосной. Вокруг намело сугроб метровой высоты. Я начал взрезать рыхлый снег как плуг землю, проваливаясь и спотыкаясь. Занятие

довольно утомительное. Когда я выбрался из ямы на свободу, сил и оптимизма у меня несколько поубавилось.

Повертевшись из стороны в сторону, выбрал направление, показавшееся наиболее вероятным, надвинул шапку на глаза и пошёл.

Устал страшно. Так ещё бы! Переть по глубокому снегу, пешком, тут и слон устанет. Снег попадал за шиворот, в рукава, таял и замерзал коркой.

Несколько раз мне чудился кровожадный волчий вой. И все волки хотели есть. А зубы у них ещё те! Мне и минуты не продержаться даже против одного, разве что попробовать «раздавить с ним бутылочку» на мировую?

Впрочем, могло и показаться, потому что выло и стонало всё кругом. Скрипели и трещали, сопротивляясь мощным порывом ветра, деревья. Меня заметало, я выползал, тогда меня снова заметало, но я шёл, придерживаясь, насколько возможно просеки и не забираясь слишком глубоко в лес.

Потом я отключился. Просто шёл без боли, страха и сомнений. Наверное это сработал Зелёный змий, ему, видимо, стало неудобно за подопечного. Как-никак ещё не вся водка выпита! Ой, не вся!

Иногда сознание возвращалось на минуту – другую. Тогда я видел свои одеревеневшие ноги в легкомысленных туфельках (хорошо, ещё, что шерстяные носки догадался одеть), торчащие из сугробов ветки кустов и снег, снег, снег... А я шёл, шёл, шёл, теперь уже таща за собой уставшего Змея –

ведь и у ангелов есть предел сил, иначе бы на земле давно бы не было ни зла, ни добра, а наступило бы равновесие. А что? Или Доброе Зло или Злое Добро! А кому это нужно? Ни Богу, ни Дьяволу, не зря ведь, как шло противостояние между этой ласковой парочкой единокровных братьев, так и идёт.

Время... что-то происходило с ним. Оно не остановилось, оно, быть может, раздвоилось, или может быть кружило на месте, хотя могло уйти перпендикулярно вверх или ещё куда... оно крутилось вокруг моих ног, цеплялось за них, словно и время было против того, чтобы я дошёл куда-нибудь дальше своей персональной берлоги в свежевывавшем снежном покрове. Сколько метров осадков сверх годовой нормы нынче выпало в лесу?! Потом наступит весна, побегут ручьи, птички запоют, первые барыги приедут в лес за подснежниками и увидят реально торчащего из сугроба художника – сюрреалиста...

Когда в очередной раз вспышка разума озарила моё сознание (одно утешение, что не я один такой – на всём свете множество народа близко к шизофрении, а страдают ею ещё большее число, и это прекрасно знают медики), я с удивлением обнаружил, что куда-то всё таки пришёл. Домов, правда, было несколько, а не один, как мне обещали. Деревня? Сукино?

Отчего на ум пришло это название понятия не имею. Я вовсе не собирался иметь в виду нечто нехорошее. Дело в том, что в 1586 году, город, откуда я приехал в эту снежную

благодать, место под который удалые конкистадоры Ермака отбили у более или менее коренного населения, основали два воеводы – Иван Мясной да Василий Сукин. Куда падало ударение в двух слогах последней фамилии? Тянуло, конечно, как и всякого нормального русского человека поставить в первом слоге, хотя записным хулиганом я никогда не был. Бывало, иногда, но «какой русский не любит быстрой езды?» Даже единожды слышал, как мой отец, интеллигент из интеллигентов, не способный и полешка казённых дров украсть, чтобы обогреть детей в лютую зиму – выругался. Было это давно и по очень заковыристому поводу. Я в этой истории и моя мать (а вернее – наоборот), стояли не на последнем месте.

Итак – город основали, основателей благополучно и как водится, фарисейски забыли, это видно по тому, что памятника им в городе и окрестностях нет, и в обозримое время не будет, в то время как памятник «духовному конкистадору» – попу Филофею Лещинскому, насильно обращавшему в православие коренное и пришлое население – поставили. Тот ещё был, «сибирский Иоанн Креститель!» – сотни вогульских да остяцких жилищ, капищ да божков пожёг – порубил, множество лесного народишку перепорол, да пострелял. Не сам – но его охрана – солдаты. Им всем – можно, у них за плечами добрый христианский бог стоял...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.